

УДК 159.922(075.8)

Н. Л. Пузыревич

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Советская, 18, 220030 Минск, Республика Беларусь,
+375 (33) 644 13 08, natasha.puzirevich@tut.by

ПОДРОСТКОВЫЙ НАРРАТИВ КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ К РИСКОВАННОМУ ПОВЕДЕНИЮ У СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

В статье анализируется пример использования метода подростковых нарративов для изучения отношения к рискованному поведению у современных подростков. Выявлены приоритетные направления исследования феномена рискованного поведения с помощью метода подростковых нарративов. Последовательно доказывается идея о том, что, развивая и совершенствуя готовность подростков к конструктивному риску, можно развивать и совершенствовать у них жизненно важную характеристику — «мужество быть вопреки», обеспечивающую личностный рост и стабильность в любых жизненных ситуациях.

Ключевые слова: качественная методология; подростковый нарратив; рискованное поведение.
Библиогр.: 8 назв.

N. L. Puzyrevich

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Ministry of Education of the Republic of Belarus,
18 Sovetskaya Str., 220030 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (33) 644 13 08, natasha.puzirevich@tut.by

ADOLESCENT NARRATIVE AS THE METHOD TO STUDY MODERN TEENAGERS' ATTITUDES TO RISK BEHAVIOUR

The article analyzes the example of using the method of adolescent narrative to study modern teenagers' attitudes towards risky behaviour. The priorities to study the phenomenon of risky behaviour using the method of adolescent narrative are revealed. It is proved that by developing and improving adolescents' readiness for constructive risk, they can develop and improve their vital characteristic — “the courage to be contrary”, which ensures personal growth and stability in all life situations.

Key words: qualitative methodology; adolescent narrative; risky behaviour.
Ref.: 8 titles.

Введение. Рискованное поведение можно отнести к числу феноменов, в процессе изучения которых возникает больше вопросов, чем ответов на них. Причем эти вопросы ставит перед человеком сама жизнь, которая в последнее время становится все более неопределенной и непредсказуемой. Получается, что от качества ответов на эти вопросы напрямую зависит качество жизнедеятельности человека, его выбор одной из двух альтернатив: 1) «мужество быть вопреки» (П. Тиллих) [5] и «преобладать над самим собой» (М. Мамардашвили) [3] или 2) приспособляться к имеющимся обстоятельствам. Принимая во внимание, что свобода осуществления подобного выбора присутствует в равной степени у каждого человека, основная проблема сводится к тому, насколько человек ее реализует. В данном контексте особое место занимает подростковый возраст, так как подростки, рассматривая жизнь как способ приобретения опыта, максимально открыты для экспериментирования, интуитивного поиска абсолютно новых, не имеющих аналогов в предшествующем опыте, поведенческих стратегий посредством рискованного поведения.

Таким образом, перед исследователем проблемы рискованного поведения подростков стоит следующая задача: через специфику искомого феномена выявить потенциал респондентов, который помогает им, совершая рискованные поступки, «преобладать над

собой», отказываясь от приспособления к имеющимся обстоятельствам. Следовательно, развивая и совершенствуя готовность подростков к конструктивному риску, можно развивать и совершенствовать у них жизненно важную характеристику — «мужество быть вопреки», обеспечивающую личностный рост и стабильность в любых жизненных ситуациях.

Очевидно, что более эффективно достичь планируемого возможно в том случае, если в процессе исследования подростки будут выступать в роли экспертов собственной жизни, если им будет предоставлена возможность раскрыть свое представление о возможностях и недостатках феномена рискованного поведения. В данном контексте в качестве методологической основы, предоставляющей подобный потенциал для исследователя, выступает качественная методология, а методом исследования, полностью удовлетворяющим всем вышеперечисленным требованиям, является нарративное интервью, модифицированное М. Vamberg в «подростковый нарратив».

Методология и методы исследования. Метод подростковых нарративов был разработан в рамках нарративной психологии и представляет собой «истории, наводящие на размышления» (М. Vamberg) [7]. В 2012 году в рамках кандидатской диссертации «Социальные представления о рискованном поведении у современных подростков» данный метод был впервые апробирован нами в работе с белорусскими подростками. Технология проведения и интерпретация результатов искомого метода построены с учетом психологических характеристик подросткового возраста: принимается во внимание, что респонденты 10—14 лет, как правило, малоразговорчивые, ситуационно включенные, ориентированные на ценности группы сверстников и вместе с тем имеющие скрытые отличия и противоречивые моральные нормы. В данном контексте возникает ряд вопросов: «Каковы преимущества использования подростковых нарративов в работе с респондентами соответствующей возрастной группы?»; «Какие аспекты рискованного поведения можно выявить в процессе интерпретации подростковых нарративов?».

Решение вышеперечисленных вопросов поможет выявить приоритетные направления исследования рискованного поведения в русле качественной методологии, обозначить границы исследовательского потенциала в отношении искомого феномена. Таким образом, перейдем к проработке поставленных вопросов.

Говоря о преимуществах использования подростковых нарративов, следует отметить, что, в рамках приоритетной для нас качественной методологии, понятие «преимущество» контекстуально, ситуативно и зависит от того, с точки зрения какой системы значений рассматривает искомое понятие конкретная личность. Поэтому попробуем применить ход от обратного: проанализируем, чем *не является* подростковый нарратив, что в искомом методе отсутствует.

1. Подростковый нарратив — это не целая жизнь и не события, которые пережиты ретроспективно.

Данный метод представляет собой «каждодневные, обычные рассказы» об очень мирских вещах и каждодневных изменениях, которые внезапно возникают и быстро забываются, непостоянны и иногда не имеют особого значения. М. Vamberg подчеркивает, что это «реальные истории жизни, которыми живут» [7]. Получается, что искомый метод очень информативен и основан на так называемой уместности ситуативных обстоятельств, что согласуется с положением Дж. Брунера: «наши истории должны соответствовать новым обстоятельствам, новым друзьям, новым формам активности» [8].

Таким образом, метод подростковых нарративов обращает внимание исследователя на важность дифференциации ситуаций, которые респонденты рассматривают как рискованные и безопасные.

2. Подростковый нарратив — это не личная жизнь и не рассказы личного опыта.

Данный метод представляет собой диалоговое обсуждение, форму коллективного опыта, со-построение несколькими рассказчиками (3—5 человек) сообщений. Обсуждается

конкретная ситуация (событие), о котором знает каждый из респондентов (событие имеет отношение к каждому из них), что обеспечивает их связь в пространстве и времени. Таким образом, основной рассказчик влияет на других респондентов, а члены группы, в свою очередь, влияют на рассказчика.

В данном контексте при изучении рискованного поведения может быть сделан акцент на соотношении позиции «Как я хочу быть рассмотренным аудиторией?» (социальная приемлемость, общественная позиция) с позицией «Какой я?» (личностная идентичность). Таким образом, представление каждого респондента об искомом феномене будет раскрываться через нейтралитет, критику или сопротивление по отношению к мнению других членов группы.

3. Подростковые нарративы не затрагивают «нейнтересное», «скрытое», «несогласованное».

Цель искомого метода: найти то, что интересно для подростков. Поэтому использование подростковых нарративов позволит проиллюстрировать специфику представлений респондентов о рискованном поведении через соотношение трех категорий: постоянство/изменение, уникальность/универсальность (специфика/общность), «подгонка» человека к миру / от мира к человеку.

4. В подростковом нарративе нет единой точки зрения на происходящее.

Важным является то, как респонденты выстраивают свои суждения относительно друг друга во взаимодействии. М. Vamberg отмечает, что говорящий и аудитория ориентируют друг друга к специфическому типу «непоследовательных отношений»: стимулируются разные версии общих событий, провоцируется натуральная реакция респондентов [7]. Такой подход позволяет респондентам сопоставить собственное восприятие своих рискованных действий и поступков с тем, как реагируют на них сверстники и окружающие.

5. В подростковом нарративе нет статичности.

Искомый метод М. Vamberg характеризует как «захватывающий изменяющуюся природу тождеств» [7]. Подобная динамичность обеспечивается интерактивным режимом работы с историями и наличием импровизаторского аспекта (непосредственности): можно проследить, как истории рассказаны — как они включены и управляются, изменяются в процессе взаимодействия, и какие диалоговые действия достигнуты в их сообщении (жалоба, оправдание и т. д.).

В данном контексте при изучении рискованного поведения может быть сделан акцент на специфике его реализации подростками на трех этапах: 1) когда риск рассматривался респондентами как абсолютно новая, незнакомая поведенческая стратегия, 2) когда риск стал способом решения жизненно важных проблем, 3) когда риск стал частью жизни.

Очевидно, что все вышеперечисленные позиции позволяют констатировать значительный потенциал подростковых нарративов, что уже само по себе вызывает доверие и интерес к использованию искомого метода для изучения проблемы рискованного поведения подростков.

Результаты исследования и их обсуждение. Перейдем к анализу примера использования метода подростковых нарративов для изучения представлений о риске у подростков с суицидальными намерениями. Работа с подростками предполагала последовательное прохождение 5 этапов.

Перейдем к анализу результатов, полученных по данному методу.

На 1-м этапе нами было обозначено направление обсуждения подростками проблемы рискованного поведения: «Я хочу попросить Вас рассказать о Вашем рискованном поведении: от первого рискованного поступка и до настоящего времени».

На 2-м этапе подросткам были даны инструкции по процедуре обсуждения проблемы рискованного поведения в соответствии с правилами и требованиями, предъявляемыми к проведению подростковых нарративов [7; 8]: 1) в группе, состоящей из 5 человек, был определен «главный рассказчик», который последовательно излагал те факты и события,

которые являются для него особенно важными в отношении искомой проблемы; 2) участникам группы предлагалось вступить в диалог с «главным рассказчиком», соглашаться или опровергать приводимые им факты и события, исходя из собственного жизненного опыта; 3) «главному рассказчику» и участникам группы необходимо было совместно осуществить интерпретацию и эмоциональную оценку обсуждаемых фактов и событий, связанных с рискованным поведением.

На 3-м этапе осуществлялось со-построение подростками рассказа о риске и рискованном поведении. Проработка искомой проблемы в группе, с одной стороны, позволила нивелировать внешнее воздействие исследователя на процесс взаимодействия респондентов, а с другой — способствовала осмыслению респондентами искомой проблемы, поскольку реагировать на реплики участников диалога и выстраивать целостный рассказ возможно только при условии осмысления собственного опыта рискованной активности.

На 4-м этапе подростковых нарративов осуществлялось формулирование уточняющих вопросов, обсуждение разногласий в позициях респондентов. Такой подход позволил респондентам сопоставить собственное представление о рискованном поведении с тем, какой позиции в отношении искомой проблемы придерживаются сверстники и окружающие, какова их реакция. Следует отметить, что данный этап сопровождался динамическими преобразованиями в обеих группах респондентов: в группе подростков контрольной группы наблюдалась групповая нормализация, а в группе подростков с суицидальными намерениями отмечалась групповая поляризация.

Завершающий, 5-й этап был посвящен обсуждению итогов сказанного и услышанного о риске в целом и как источнике подлинности личности и осуществляемой ею жизнедеятельности.

По результатам проведения метода подростковых нарративов установлено, что респонденты хорошо помнят возраст, с которого начали рисковать. Очевидно, что их первые пробы совершения рискованных поступков уже стали событием в их жизненном пути. Подростки признают вероятность возникновения как положительных, так и отрицательных последствий риска. Однако их ожидания связаны, прежде всего, с позитивными перспективами своего рискованного поведения, о чем свидетельствует преимущественно положительная оценка совершаемых рискованных действий и поступков. В представлениях подростков понятия «риск—опасность—героизм» синонимичны. Посредством совершения рискованных действий и поступков подростки реализуют мотивы самопрезентации и самоутверждения. Использование метода подростковых нарративов обеспечило проникновение в смысловое содержание жизненного мира подростков, о чем свидетельствуют их интерпретации относительно вопроса влияния риска на их представления о себе и своей жизни. Установлено, что подростки отождествляют понятия «рискованная жизнь» и «полноценная жизнь». Рискованное поведение подростков с суицидальными намерениями имеет ряд особенностей. Подростки контрольной группы расценивают собственное поведение как более рискованное по сравнению с соответствующим поведением сверстников; в их представлениях о предпосылках риска доминируют личностные факторы. В свою очередь, подростки с суицидальными намерениями не считают свое поведение рискованным; поведение сверстников респонденты данной группы рассматривают как значительно более рискованное; в их представлениях о предпосылках риска доминируют ситуационные факторы.

Интерпретация представленного диалогового обсуждения респондентами проблемы риска позволяет сформулировать следующие приоритетные направления исследования феномена рискованного поведения в русле качественной методологии:

1. *Рискованное поведение как способ поведенческой активности подростков, преобразующий фрагменты действительности в события, способствующие приобретению позитивного или негативного опыта по решению жизненно важных проблем.* Данный подход основан на изучении рискованного поведения как средства самопознания личности (Л. Н. Собчик) [4], позволяющего подросткам определять границы собственных возможностей и тем самым научиться дифференцировать конструктивный и деструктивный риск.

2. *Рискованное поведение как способ единения, принятия, повышения статуса в группе сверстников.* Реализация представленного подхода предполагает изучить возможности рискованного поведения для самоутверждения подростков в условиях социальной поддержки (С. Шехтер) (группы сверстников). Это будет способствовать приобретению респондентами навыков получения обратной связи о степени адекватности собственного восприятия и реагирования на фрагменты окружающей действительности.

3. *Рискованное поведение как средство самопрезентации, самовыражения, реализации личностного потенциала.* В центре внимания данного подхода стоит представление Ш. Бюллер о том, что основная цель жизни человека — самоосуществление [1]. Соответственно, рискованное поведение подростков будет рассматриваться как удовлетворяющая или мешающая реализации этой идеи форма активности.

4. *Рискованное поведение как стимул для творчества подростков, средство развития способностей переосмысления и перетолкования жизненных ситуаций.* В основу данного подхода положена идея А. Лэнгле о важности самодистанцирования человека, т. е. способности подняться над самим собой и посмотреть на себя и свои поступки со стороны [2]. Основная идея подхода — ориентирование подростков на сопоставление степени опасности риска с возможностями и ресурсами собственного здоровья, при существенном рассогласовании которых они должны научиться изменять свое отношение к искомой ситуации, переосмысливать себя на альтернативные варианты поведенческой активности.

5. *Рискованное поведение как источник для преобразования личности, преобладания над самим собой, расширения границ собственных возможностей.* Реализация представленного подхода основана на стремлении личности к самотрансценденции (В. Франкл) [6]. Данный подход — важнейший из всех вышеперечисленных. Для его реализации требуется особая ответственность исследователя. Однако именно реализация данного подхода в значительной степени обеспечит успешность решения обозначенной нами задачи: развивая и совершенствуя готовность подростков к конструктивному риску, развивать и совершенствовать у них жизненно важную характеристику — «мужество быть вопреки», обеспечивающую личностный рост и стабильность в любых жизненных ситуациях.

Заключение. Подводя итог всему вышеизложенному, следует отметить, что динамичность, непосредственность и ситуативность, присущие подростковым нарративам, согласуются с неопределенностью, альтернативностью и непредсказуемостью феномена рискованного поведения. Соответственно, альтернативные подходы к интерпретации подростковых нарративов позволят проанализировать специфику искомого феномена с разных сторон, а также получить информацию о том, какие его составляющие, по мнению самих респондентов, способствуют их личностному росту, обеспечивают их самопознание и самосовершенствование.

Список цитируемых источников

1. Карпинский, К. В. Психология жизненного пути личности / К. В. Карпинский. — Гродно : ГрГУ, 2002. — 167 с.
2. Лэнгле, А. Введение в экзистенциально-аналитическую теорию эмоций: прикосновение к ценности / А. Лэнгле ; пер. с англ. О. Ларченко // Вопросы психологии. — 2004. — № 4. — С. 3—21.
3. Мамардашвили, М. Как я понимаю философию / М. Мамардашвили. — М. : Прогресс-Культура, 1992. — 408 с.
4. Собчик, Л. Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики / Л. Н. Собчик. — СПб. : Речь, 2003. — 624 с.
5. Тиллих, П. Мужество быть / П. Тиллих ; пер. Т. И. Вевюрко // Избранное. — М. : Юрист, 1995. — С. 7—131.
6. Франкл, В. Человек в поисках смысла : сб. : пер. с англ. и нем. / В. Франкл. — М. : Прогресс, 1990. — 294 с.
7. Bamberg, M. The acquisition of narratives: learning to use language / M. Bamberg. — Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1987.
8. Bruner, J. Life as Narrative / J. Bruner ; пер. М. Соколовой // Social Research. — 1987. — № 54 (1). — P. 11—32.

Поступила в редакцию 16.10.2018